

НОВОЕ В УПРАВЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫМИ КОНФЛИКТАМИ

*ОПОСРЕДОВАННЫЕ ВОЙНЫ ВМЕСТО ГУМАНИТАРНЫХ ИНТЕРВЕНЦИЙ?**

АЛЕКСАНДРА ХУДАЙКУЛОВА
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматриваются усилия международного сообщества по управлению ключевыми конфликтными узлами современной международной политики. В конце XX – начале XXI вв. США и их союзники предприняли ряд масштабных военных интервенций, в частности в Косове, Ираке и Афганистане. В 2009 г. администрация Барака Обамы заявила о движении к более справедливому миропорядку, где военная сила играла бы гораздо меньшую роль по сравнению с невоенными средствами и политическим урегулированием. С тех пор США инициировали крупномасштабные военные наступательные операции менее охотно, осторожно и избирательно, что уже было наглядно видно на примере ливийского конфликта. Тем не менее курс на свержение неугодных режимов оставался стержневым сюжетом внешнеполитической стратегии США. По сути оформился и прошел апробацию новый сценарий по смене режимов, предусматривающий два последовательных этапа. Сначала проведение «цветной революции» изнутри (Египет, Тунис), и только в случае необходимости – переход к военной фазе и ее дополнение непосредственно силовой гуманитарной интервенцией (Ливия). Два острейших мировых кризиса – украинский и сирийский – отчетливо демонстрируют новую тенденцию – поворот к практике ведения опосредованных войн при последовательном отказе от прямых военных вмешательств по гуманитарным причинам. Международному сообществу, в первую очередь ведущим державам двух альянсов, предстоит выработать конвергентный подход к урегулированию современных международных конфликтов, которые на текущий период приобретают собственную инерцию и все более затяжной характер.

Ключевые слова:

военная сила; права человека; вмешательство; гуманитарная интервенция; ответственность по защите; свержение режима; опосредованная война; ливийский конфликт; сирийский конфликт; украинский конфликт; управление конфликтами.

На фоне усиления хаотизации и проявлений внесистемности роль военной силы в политической деятельности многих государств имеет тенденцию к росту, однако ее применение не всегда становится гарантией достижения внешнеполитических

целей. Военная сила не теряет своей значимости и во внутренней жизни большинства государств. «Война есть продолжение политики как внешней, так и внутренней; она является результатом их теснейшего взаимодействия» [Кокошин и др. 2015: 26].

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-03-00728.

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: alexandra_77@mail.ru

В нынешней международной практике обращение к инструментарию вооруженного вмешательства сохраняет существенные масштабы. Одновременно меняется облик войны. Для оправдания в глазах мировой общественности война преподносится с позиций гуманизма как чуть ли не единственное средство поддержания международного мира и защиты прав человека. В условиях непрекращающихся региональных конфликтов в постбиполярный период меняются подходы международного сообщества к применению военной силы, которая «приобретает в тех или иных ситуациях все более многоликий и многомерный характер, которому присущи как прямые, так и косвенные способы использования» [Кокосин и др. 2015: 13].

На смену локальным войнам эпохи биполярного противостояния в политический лексикон и международную практику с начала 1990-х годов прочно вошли гуманитарные интервенции, акции по смене режимов, интервенции возмездия и превентивные вмешательства. Впоследствии произошел обратный сдвиг от активного использования концепций «справедливой войны» и гуманитарной интервенции к возврату практики «холодной войны» по ведению опосредованных войн [Кременюк 2004]. Данный поворот наметился еще в ходе ливийского конфликта, а украинский и сирийский кризисы стали апофеозом опосре-

дованных войн XXI века в контексте формирования новых блоковых структур в сфере международной безопасности.

1

Гуманитарная интервенция, определяемая как *силовая акция по вмешательству мирового сообщества во внутренние дела одного или нескольких государств, злоупотребляющих своим суверенитетом, для предотвращения гуманитарной катастрофы* (при крупных нарушениях фундаментальных прав человека и в случаях вооруженного ограничения прав наций на самоопределение, влекущих за собой массовые репрессии) [Худайкулова 2003] – крайне противоречивая и сложная по своей сути концепция, разделившая международное сообщество на её сторонников и противников.

Правомерность, содержание и применение гуманитарного вмешательства до сих пор относится к разряду остро дискутируемых вопросов, не имеющих однозначного решения. Наибольший интерес к этой проблематике проявился после проведенной НАТО операции «Союзническая сила» в Союзной Республике Югославии в 1999 году¹, хотя первой кампанией в духе гуманитарного вмешательства стала операция «Буря в пустыне» в 1991 году², возвестившая о начале однополярного мира. К гуманитарным интервенциям можно также отнести операции в Боснии и Герцеговине³ и Ливии⁴.

¹ Резолюция №1244 Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс] / ООН – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/172/91/PDF/N9917291.pdf?OpenElement>

² В связи с агрессией Ирака против Кувейта 3 августа 1990 г. СБ ООН в ноябре 1990 г. принял резолюцию 678, которая уполномочила применение «всех необходимых мер» для освобождения Кувейта. В январе 1991 г. возглавляемая США коалиция, в которую вошли вооруженные силы 29 государств, начала операцию «Буря в пустыне». Принятая резолюция СБ ООН 688 (1991 г.), несмотря на то, что не была принципиально новой для мировой практики и не содержала санкции на применение военной силы, изменила традиционное соотношение между защитой прав человека и системой принудительного осуществления норм международного права. Впервые СБ ООН, квалифицировав репрессии курдов в Северном Ираке и шиитов на юге страны со стороны иракского режима как угрозу миру, связал поддержание международного мира и безопасности с гуманитарными проблемами.

³ Резолюция №1031 Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс] / ООН – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/405/28/PDF/N9540528.pdf?OpenElement>

⁴ Резолюция №1973 Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс] / ООН – Режим доступа: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1973\(2011\)&referer=http://www.un.org/en/sc/documents/resolutions/2011.shtml&Lang=R](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1973(2011)&referer=http://www.un.org/en/sc/documents/resolutions/2011.shtml&Lang=R)

Операции по военному вмешательству в Афганистане⁵ и Ираке⁶ осуществлялись не по гуманитарным причинам, а по причине угрозы международному миру и безопасности, существование которой, однако, в случае Ирака не было признано всем международным сообществом.

Военная операция в Косове стала первой, проведение которой не было санкционировано ООН⁷. Это была крупнейшая военная акция НАТО, которая осуществлялась при отсутствии прямой угрозы безопасности какого-либо члена организации. Главной целью провозглашалось прекращение этнических чисток в Косове со стороны правительства СРЮ. Однако до сих пор не существует единого мнения насчёт того, можно ли квалифицировать события в Косове в качестве геноцида⁸. Многие эксперты убеждены, что в Косове имела место лишь этническая чистка, которая по своим масштабам не может быть охарактеризована как геноцид⁹. Вмешательство по гуманитарным причинам перешло в итоге в войну до победного конца против режима С. Милошевича. Геополитические интересы НАТО и прежде всего США оказались в этом конфликте первостепенными. В одном из заявлений перед началом операции тогдашний президент США У. Клинтон

отметил, что среди целей военного вмешательства в СРЮ остаётся «сохранение доверия к НАТО, так как от организации зависит стабильность всей Европы, а также доверие к нам самим [США]»¹⁰.

Дискуссия о критериях применения силы извне в случае серьезных потрясений внутри государств крайне сложна, поскольку ее практически невозможно отделить от интересов тех или иных стран. Споры относительно проблематики гуманитарных интервенций находятся по большей части в правовой плоскости: «при каких обстоятельствах эти акции можно считать оправданными/правомочными?» и «кто имеет право их санкционировать?». В многочисленных экспертных работах по определению предпосылок и механизма проведения подобных операций был очерчен следующий набор критериев: серьезность нарушения и объективность внутренней ситуации гуманитарной катастрофы; представление в обязательном порядке мировой общественности объективных и достоверных доказательств угрозы или факта существования гуманитарной катастрофы в зоне конфликта; срочность; приемлемость (использование военной силы как крайнего средства, в случае невозможности проведения классической миротворче-

⁵ Резолюция №1373 Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс] / ООН – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/NO1/557/43/PDF/NO155743.pdf?OpenElement>

⁶ Резолюция №1483 Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс] / ООН – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/NO3/368/55/PDF/NO336855.pdf?OpenElement>

⁷ В 2000 году Независимая международная комиссия по Косово (Independent International Commission on Kosovo) опубликовала доклад, в котором охарактеризовала военную миссию НАТО как «незаконную, но оправданную» (illegal, but justified). В докладе говорится, что резолюция СБ ООН 1244 «фактически придала операции легитимный характер после её окончания». Тем самым официально оказались противопоставлены категории "законный" и "легитимный" (legal/ legitimate), что имело серьезные последствия для состояния международного права [The Kosovo Report 2000: 162].

⁸ Конвенция ООН даёт следующее определение геноцида: «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. К таким действиям относятся: убийство членов такой группы; причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение её; меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую».

⁹ Kosovo, Noam Chomsky interviewed by Patrick Cain [Electronic resource] / The Activist. June 1999 – Mode of access: <http://www.chomsky.info/interviews/199906--.htm>

¹⁰ Kozaryn L.D. Clinton Says NATO Must Act in Kosovo [Electronic resource] / American Forces News Service, March 22, 1999 / US Department of Defense – Mode of access: <http://www.defense.gov/News/NewsArticle.aspx?ID=42682>

ской акции и/или провала всех мирных средств); строгое ограничение целей операции гуманитарными причинами и соображениями восстановления внутреннего порядка; осуществимость (наличие достаточных шансов на позитивный исход операции); пропорциональность планируемых мер (соотнесение продолжительности, масштаба и интенсивности планируемого вмешательства с целями и ожидаемыми целями операции); строгое определение масштабов применения силы, гарантии против чрезмерного ее использования; беспристрастность, непредвзятость и нейтральность.

Свою актуальность сохраняет важнейшая проблема подобных вмешательств — невозможность примирить современное международное право с практикой интервенций. В соответствии с правовым подходом, решение о гуманитарной интервенции находится в полной зависимости от санкции СБ ООН. По сей день не разрешено противоречие между юридическими принципами суверенитета государств и нравственным императивом защиты прав человека. Концепция суверенитета провозглашает принцип невмешательства во внутренние дела государства и квалифицирует любое вмешательство как акт агрессии. Интервенция неизбежно подрывает применение этого принципа в отношении подвергшегося ей государства. Сторонники интервенционистской политики придерживаются мнения, что права человека и международная безопасность дороже суверенитета. Согласно этому достаточно уязвимому подходу, объектом гуманитарной интервенции выступает не государство, а населенная территория, где на момент начала вмешательства фактически отсутствуют государственные институты, которые уже не могут квалифицироваться как носители суверенитета.

Достичь международного согласия по вопросу правомерности и целесообразности гуманитарного вмешательства не удалось в силу диаметрально противоположных подходов государств к самой необходимости осуществления подобных дей-

ствий. В рамках существующей системы международного права легитимизация гуманитарного вмешательства невозможна. Однако это не помешало Международной комиссии по интервенции и государственному суверенитету при ООН (ICISS) предложить в 2001 г. доклад «Ответственность по защите» содержащий доктрину с одноименным названием (R2P). В документе подчёркивалась необходимость перехода от гуманитарной интервенции к R2P, так как первая больше связана с вмешательством международного сообщества во внутренние дела определённого государства, а вторая обращает внимание на необходимость защиты гражданского населения от агрессии со стороны собственного правительства [The Responsibility to Protect 2001: 2].

Акцентируя положение, что «суверенные государства несут ответственность по защите своих граждан от предотвратимой катастрофы», доктрина однозначно фиксировала трансформацию понимания суверенитета, понимая его не как привилегию, а как обязанность. В случае если правительство какого-либо государства неспособно выполнять функции по защите, в том числе гуманитарной, собственного населения, а мирные средства воздействия на него исчерпаны, «международное сообщество несет ответственность за содействие и помощь государствам в выполнении этой обязанности» и может «предпринять коллективные действия своевременным и решительным образом».

Авторы доклада предложили новый подход к вмешательству по гуманитарным причинам, который включает в себя следующий список требований: создание прозрачных правил, процедур и критериев для определения необходимости проведения интервенции, а также места и времени её проведения; придание легитимности военной интервенции, когда другие средства разрешения конфликтной ситуации оказались неэффективными; обеспечение того, что военная интервенция, когда принято решение о её проведении, осуществляется только в согласованных международным сообществом целях, а также является эф-

фективной и проводится, исходя из стремления минимизировать жертвы среди гражданского населения, а также ущерб для государственных институтов, которые она может повлечь; оказание поддержки в устранении возможных причин конфликта и способствование установлению устойчивого долгосрочного мира [The Responsibility to Protect 2001: 11].

Доктрина получила поддержку многих государств, и в 2005 г. ГА ООН единогласно приняла по этому поводу специальную резолюцию 60/1 (Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.), установив двойное обязательство: 1) государства должны осуществлять защиту своих народов; 2) если государства не могут обеспечить эту защиту, международное сообщество посредством СБ ООН должно отреагировать и помочь защитить население от военных преступлений, преступлений против человечности, геноцида и этнических чисток¹¹. Большинство государств официально согласилось с «ответственностью по защите», однако единогласной и всесторонней поддержки доктрина получить не смогла а priori из-за крайне настороженного к ней отношения со стороны многих, прежде всего правительств развивающихся стран, категорически отрицающих правомерность любого вмешательства во внутренние дела. Оппоненты доктрины настаивают, что новая трактовка суверенитета отражает исключительно западные либеральные ценности, а любые действия в соответствии с доктриной R2P могут превратиться в произвольное применение военной силы в отношении государств со сложными внутривластными процессами с конечной целью свержения режима. В любом случае концепция не стала нормой международного права, и, соответственно, ее одностороннее использование без резолюции СБ будет приравниваться к нарушению уставных положений системы ООН.

С одной стороны, сам по себе феномен гуманитарного вмешательства был одним

из наиболее ярких проявлений однополярного мира и доминирования силового подхода со стороны США и их союзников как наиболее часто используемого способа разрешения международных противоречий. По мере ослабления однополярности стала снижаться и убедительность концепции гуманитарной интервенции в глазах международного сообщества.

С другой стороны, закат гуманитарной интервенции как инструмента смены режимов обусловлен распространением других, более эффективных методов достижения внешнеполитических целей. Концептуальные наработки критических теорий и конструктивизма нашли отражение в практических подходах к свержению режимов посредством технологий ненасильственного сопротивления, цветных революций и гибридных войн [«Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века 2015]. Гуманитарная интервенция стала резервной опцией в тех случаях, когда режим не удается в полной мере «раскачать» изнутри.

2

Поворотным моментом стал **ливийский конфликт** 2011 года, который в полной мере продемонстрировал дискуссионный накал вокруг целесообразности применения на практике концепции гуманитарного вмешательства после проведенных операций в Гаити, Боснии и Герцеговине, Сомали, Косове и Восточном Тиморе. В ходе интервенции было проведено две операции. Первая, проводившаяся под эгидой США, получила название «Одиссея. Рассвет», а вторая, осуществлявшаяся союзниками по НАТО, — «Объединённый защитник». Странники концепции поспешили присвоить ливийской компании Североатлантического альянса ярлык хрестоматийного примера гуманитарного вмешательства [Weiss 2011]. Их оппоненты заявляли, что операция сильно пошатнула перспективы и без того спорного принципа «ответственности по защите» стать признанным

¹¹ Resolution №60/1 World Summit Outcome [Electronic resource] / UN – Mode of access: <http://www.un.org/womenwatch/ods/A-RES-60-1-E.pdf>

основанием для реагирования на массовые нарушения прав человека авторитарными режимами¹².

В основе конфликта в Ливии лежали сталкивающиеся интересы племенных групп, которые ввиду монополии на власть Муаммара Каддафи и его соплеменников оказались отстранены от процесса принятия решений. Волнения в Ливии начались 15 февраля 2011 года. В ответ на них СБ ООН единогласно принял резолюцию 1970 (от 26 февраля 2011 г.)¹³ с требованием к ливийскому руководству прекратить насилие и обеспечить соблюдение прав человека. Вскоре СБ принимает резолюцию 1973, дающую право на проведение военной интервенции, которая не была поддержана Россией и Китаем и вызвала немало разногласий в международном сообществе¹⁴.

Москва продолжала настаивать на том, что эта резолюция давала международным силам мандат лишь на защиту гражданского населения Ливии путем создания бесполетных зон, а не на иностранную интервенцию по смене ливийского режима¹⁵. Когда военное вмешательство НАТО привело к свержению режима Каддафи, оно было расценено как акция, вышедшая за рамки мандата и предоставленных СБ ООН полномочий (*ultra vires* (лат.) – «за пределами полномочий»). Подобно интервенции в Сербии операция по защите гражданского населения Ливии переросла в

очевидное вмешательство в открытый политический конфликт в этой стране – между правительством Каддафи и повстанцами и трансформировалась в усилия по смещению политического режима. Уже в июне 2011 г. Б. Обама и А. Фог Расмуссен заявили, что «уход Каддафи – лишь вопрос времени» [Varun, Cordesman 2011: 57].

Если в Египте и Тунисе режимы были свергнуты уже на первой стадии «арабской весны», то в Ливии из-за упорства М. Каддафи пришлось задействовать сценарий гуманитарной интервенции, пусть и в ограниченном масштабе, без крупномасштабной наземной интервенции.

У каждой из сторон, принимавшей участие в операции, были свои интересы. Великобритания демонстрировала безоговорочную поддержку США. Франция, объявившая за два года до ливийской операции о возвращении после длительного перерыва в военную организацию альянса, выступала как часть объединённого командования НАТО. Для Евросоюза возможность доступа к ливийской нефти была существенным мотивом активизации военно-политического дуета. США, исключавшие любую возможность наземной операции, стремились улучшить свою репутацию в арабском мире и продемонстрировать намерение сохранить позиции на Ближнем Востоке даже в условиях масштабных социально-политических выступлений в регионе.

¹² См., например, David Rieff, 'R2P, R.I.P.', The New York Times, November 7, 2011.

¹³ Резолюция 1970 Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс] / ООН – Режим доступа: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1970\(2011\)&referer=http://www.un.org/en/sc/documents/resolutions/2011.shtml&Lang=R](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1970(2011)&referer=http://www.un.org/en/sc/documents/resolutions/2011.shtml&Lang=R)

¹⁴ Резолюция 1973 призвала членов ООН предпринять все необходимые меры для установления бесполетной зоны в воздушном пространстве Ливии и разрешала наносить удары по вооруженным силам Каддафи, угрожающим мирному населению. В то же время резолюция исключала «возможность пребывания иностранных оккупационных сил в любой форме на любой части ливийской территории». То есть резолюция исключала проведение наземной операции. За принятие резолюции голосовало 10 постоянных и непостоянных членов Совета Безопасности, пять государств – Бразилия, Германия, Индия, Китай, Россия – воздержались. Особо примечательной и неожиданной была поддержка арабского мира. За проведение такой операции выступила Лига арабских государств и значительное число членов Африканского союза. Катар и Объединенные Арабские Эмираты направили свои истребители в район боевых действий. Резолюция 1973 Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс] / ООН – Режим доступа: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1973\(2011\)&referer=http://www.un.org/en/sc/documents/resolutions/2011.shtml&Lang=R](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1973(2011)&referer=http://www.un.org/en/sc/documents/resolutions/2011.shtml&Lang=R)

¹⁵ В самом общем виде позиция России по ливийскому конфликту была представлена промежуточным вариантом – избежать как одобрения очередной военной операции Запада в третьей стране, так и безусловной поддержки режима Каддафи.

Спустя несколько лет пагубные последствия внешнего вмешательства в Ливию стали очевидны для всего мира – вместо процветающей страны на карте появилось еще одно неудавшееся государство, контроль над территорией которого оспаривают разномастные вооруженные группы и террористы «Исламского государства» (ДАИШ). Если в ходе операции в Ливии великие державы еще стремились придерживаться консенсуса «плюралистической однополярности» [Богатуров 2006], что выразилось в их взвешенном голосовании по резолюции 1973, то попытки воспроизвести ливийский сценарий и практику гуманитарного вмешательства для управления конфликтом в Сирии натолкнулись на открытое неприятие.

Э

Первоначально ситуация в **Сирии** развивалась в русле ливийского конфликта 2011 года. В общем контексте социально-политических выступлений на Ближнем и Среднем Востоке начались народные волнения и беспорядки, произошла радикализация противоборствующих сторон, глубоко пошатнувшимися оказались основы государственности, повстанцев поддержали многие арабские страны (в первую очередь государства Персидского залива). Были сформированы «Контактная группа по Ливии» и «Группа друзей Сирии» как площадки для координации действий единомышленников, выступающих преимущественно за силовое решение.

Гражданская война углубила раскол по религиозному признаку и без того специфически организованного сирийского общества¹⁶. Сирийский режим характеризуется преобладанием миноритарных общин. Группы, связанные с алавитами, другими шиитскими сектами, христианами, выступают в поддержку правительства Асада, опасаясь действий суннитского большин-

ства в случае победы в гражданской войне. Сирийский конфликт отличает растущая роль радикально-исламистского элемента в рядах оппозиции. Международное сообщество явно не желало прямого вмешательства в гражданскую войну в Сирии. Изначально внешние игроки заняли выжидательную позицию, наблюдая за динамикой развития внутрисирийских разногласий и военного противостояния, по видимому ожидая бесконтрольного развала власти [Степанова 2012].

Конфликт в Сирии начавшийся с протестов недовольных групп населения, плавно перешел в межобщинный и принял особо ожесточенную форму гражданской войны. К настоящему времени он превратился в типичный пример опосредованного противостояния двух коалиций: с одной стороны, Саудовской Аравии, Катара, США и ЕС, и с другой – Ирана, России, движения «Хизбалла» и правительства Асада. Турция дрейфует от первой коалиции ко второй. Крупнейшие мировые державы присутствуют в сирийском конфликте на разных основаниях: Россия – в ответ на просьбу сирийского руководства, США – де-факто без всякого приглашения.

Каждая из коалиций решает собственные задачи минимум и максимум. Оба лагеря провозглашают решение общей глобальной цели – борьбу против «Исламского государства», однако темпы ее достижения имеют явно разноскоростной характер. США пытаются удержать свое влияние в регионе с претензией на единоличный потенциал урегулирования кризисных процессов. Западная коалиция при поддержке «друзей в Заливе» делает ставку на свержение сирийского режима.

Между тем ранее правительство Асада выступало вполне легитимным партнером в контексте присоединения Сирии к Конвенции 1993 г. о запрещении разработки, производства, накопления и применения

¹⁶ 40 % населения Сирии составляют различные этнические и религиозные меньшинства, более половины всех сирийцев – сунниты, а у власти уже более 40 лет находятся алавиты – крайне закрытое религиозное течение, которое на раннем этапе развития ислама откололось от шиизма и достаточно далеко отошло от него в идейном плане.

химического оружия и о его уничтожении, а также практического выполнения ее положений. Была сделана попытка делегитимизировать его на международном уровне и оправдать гуманитарное вмешательство. Однако попытка провести соответствующую резолюцию через СБ ООН провалилась. В июле 2012 г. Россия и Китай применили вето в отношении нового проекта «резолюции в соответствии с Главой VII Устава ООН», которая открывала возможности для использования силового принуждения вплоть до военной интервенции. Кроме того, предпринимаются попытки ослабить Иран, который потеряет в случае падения правительства Асада единственного союзника среди государств региона, а также прекратить сирийскую поддержку шиитского движения «Хизбалла» в Ливане.

Россия оспаривает подобный подход, решительно меняя распределение влияния действиями своих воздушно-космических сил и демонстрируя претензию на возврат статуса мировой державы. Политика Москвы по сирийскому конфликту не статична: от первоначальной односторонней поддержки правительства Асада она эволюционировала к более сбалансированному подходу. Интересы России в Сирии очевидны: стабилизация в регионе (хотя предложение совместной с Соединенными Штатами антитеррористической коалиции принято не было), укрепление своей роли на Ближнем Востоке (сирийская акция стала первой военной операцией вооруженных сил России в регионе), снижение накала и остроты обвинений Запада по украинскому и крымскому вопросам, которые перестали быть главным сюжетом международной политики.

Впервые в постбиполярный период мир оказался на пороге *опосредованной войны*¹⁷, которая используется крупными державами как средство достижения своих целей на территории третьих стран под лозунгом разрешения там внутреннего конфликта. К категории подобных конфликтов эпохи «холодной войны» относят корейскую, вьетнамскую, ангольскую, афганскую войны. Текущие украинский и сирийский кризисы также относятся к категории прокси-войн.

4

Параллельно с сирийским конфликтом с конца ноября 2013 г. развивается острый политический кризис на **Украине**, стремительно вырвавшийся в противостояние двух центров силы и приведший к еще одной опосредованной войне, в которой Запад явно недооценил особое стратегическое значение, которое Украина представляет для России.

События украинского кризиса продемонстрировали, что действия всех сторон — как непосредственных участников, так и внешних сил — определяются не правовой, а сугубо политической логикой [Богатуров 2016]. Украинский сценарий вписывается в уже апробированную схему по свержению режимов, предусматривающую два последовательных этапа: сначала проведение «цветной революции» изнутри, а в случае необходимости — переход к военной фазе и ее дополнение непосредственно гуманитарной интервенцией. В 2012–2013 годах началась делегитимизация режима президента В. Януковича, который в глобальных СМИ позиционировался как про-российский. В качестве основания исполь-

¹⁷ Опосредованная война (англ. proxy war, война посредников или война «чужими руками», «по доверенности») — разновидность асимметричного конфликта, при котором две державы не вступают в боеконтакт, а используют для достижения своих интересов третьи страны или своих союзников (сателлитов), оказывая при этом решительную помощь финансами, техникой, военными специалистами и т.п. Oxford Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/proxy-war> В опосредованных войнах происходит наращивание давления «чужими руками» по периметру границ соответствующего государства, задействуются разного рода незаконные вооруженные формирования и террористические группы, используются информационные атаки, идеологическое воздействие при опоре на финансируемые извне НПО. Конечная цель подобных войн — не столько военный разгром противника, сколько смена режимов.

зовались обвинения в коррупции. В феврале 2014 г. поспешное бегство В. Януковича из страны позволило западной коалиции добиться своих целей уже на первом этапе.

Однако Юго-Восток Украины не поддержал свержение режима, перейдя в ряде областей (Донецк, Луганск) к вооруженной борьбе, в других (Одесса, Николаев, Запорожье, Харьков, Днепропетровск) — к гражданскому неповиновению. Усмирение несогласных проходило чрезвычайно жестоко, особенно в Одессе 2 мая 2014 г. (пожар в Доме профсоюзов), в Мариуполе 9 мая 2014 г. (пожар в отделении милиции и расстрел демонстрантов), в Луганске 2 июня 2014 г. (авиаудар по госадминистрации). В этой связи формальный повод для гуманитарной интервенции возник уже у противоположной стороны. Однако в концепции и арсенале внешнеполитических средств России не присутствует подобный инструмент [Мартынов 2016], поэтому Москва отреагировала в духе первоначальной трактовки гуманитарной интервенции французского специалиста Б. Кушнера [Bettati, Kouchner 1987]¹⁸, отправив за последние 2 года уже около 60 гуманитарных конвоев с продовольствием и медикаментами на Донбасс.

Примечательно, что США и Великобритания в 2014 г. поспешили заявить, что планируемая Россией доставка гуманитарной помощи на Юго-Восток Украины будет расценена как прямое вторжение и призвали Россию «воздержаться от гуманитарной интервенции на Украине, которая может привести к обострению конфликта в Донбассе». Гуманитарный конвой вызвал крайне агрессивную реакцию западной коалиции, которая продолжает расценивать любой акт Москвы — вне зависимости от его содержания — как агрессию.

С мая 2014 г. российская делегация неоднократно вносила на рассмотрение СБ ООН проекты резолюций о необходимости незамедлительного прекращения боевых действий, об организации гуманитарных коридоров для вывода гражданских лиц и беспрепятственной доставки гуманитарной помощи. Тексты так и не были согласованы, каждый раз наталкиваясь на несогласие США и других западных государств. Последние обвиняли Россию в разжигании конфликта на Юго-Востоке Украины.

Проект резолюции, представленный на голосование в СБ ООН в марте 2014 года, фиксировал приверженность этого органа «суверенитету, независимости, единству и территориальной целостности Украины в пределах её международно-признанных границ» с особым фокусом на том факте, что Киев не санкционировал проведение референдума о статусе Крыма и поэтому «этот референдум не может иметь юридической силы и не может служить основой для любого изменения статуса Крыма». Проект резолюции не был принят из-за наложенного Россией вето. Дальнейшее развитие событий протекало уже в режиме голосования на площадке ГА ООН, где в поддержку резолюции¹⁹ проголосовали 100 государств, против — 11, воздержались — 58, не голосовали 24 страны.

Ровно через два года Украина внесла в 3-ий комитет ГА очередной проект резолюции по правам человека в Крыму, согласно которому «Россия должна допустить на полуостров международных наблюдателей, положить конец всем нарушениям в отношении жителей Крыма» и пересмотреть запрет в отношении организации «Меджлис крымско-татарского народа». Российские дипломаты незамедлительно отреагирова-

¹⁸ Первоначально термин «право на вмешательство с целью защиты прав человека» ассоциировался с идеей оказания гуманитарной помощи и использования международного гуманитарного права без учета причин возникновения самого конфликта. Согласно М. Бетатти и Б. Кушнеру, «население, страдающее от голода, убийств, массовых депортаций или любой другой формы угнетения должно иметь право на получение международной помощи со стороны внешних акторов, которые могут использовать при этом все средства, включая, при необходимости, военную силу» [Bettati, Kouchner 1987: 10].

¹⁹ Резолюция ГА ООН 68/262 от 28 марта 2014 года «территориальная целостность Украины» — Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/455/19/PDF/N1345519.pdf?OpenElement>

ли на этот документ, заявив, что он не имеет ничего общего с реальным положением дел в Крыму, демонстрируя пример того, как права человека превращаются в инструмент политической игры. За проект проголосовали 73 страны, 23 высказались против, еще 76 воздержались²⁰. По сравнению с предыдущим голосованием баланс сместился в пользу России, причем эта тенденция проявилась и на уровне большинства регионов мира. Единственным исключением стал Европейский Союз, который, как и в предыдущем случае, единогласно поддержал украинский вариант резолюции²¹.

Если на первом этапе украинского вооруженного конфликта (май-август 2014 года) большинство правозащитных докладов по ситуации в стране имели выраженную антироссийскую и про-киевскую риторику, то на втором этапе конфликта (с сентября 2014 года) освещение событий большинством межправительственных правозащитных организаций стало более сбалансированным. Россия неоднократно обращала внимание ООН на массовые нарушения прав человека на Юго-Востоке и на Украине в целом: массовые жертвы среди мирного населения в результате артиллерийских обстрелов жилых районов, использования тяжелого вооружения, авиации, применения запрещенных боеприпасов; пытки, исчезновения людей, произвольные задержания, мародерства [Худайкулова 2014].

Масштабы, характеристика и состав участников противостояний в Сирии и на Украине вполне сравнимы. Все чаще приходится слышать комментарии, характеризующие эти конфликты как системные

кризисы с тяжелоидущими последствиями для всей международной системы. С момента возникновения обоих кризисов Москва последовательно выступала за их мирное политическое решение. Урегулирование по Украине могло включать признание новой политической реальности в Крыму, обеспечение территориальной целостности Украины при гарантии децентрализации ее управления и обеспечении подлинной автономии для ДНР и ЛНР, установление решением СБ ООН внеблокового статуса для Украины, снятие санкций с России. Однако попытки найти хрупкие компромиссные решения сменяются радикализацией западной риторики и интенсификацией боевых действий. США до сих пор вполне устраивала ситуация контролируемого конфликта на Украине. Видимо, поэтому администрация Обамы не выражала готовность к уступкам.

Скептицизм относительно возможности нахождения жизнеспособного пути достижения мира перевешивает надежды на какой-либо решающий исход в ближайшем будущем. Оба кризиса далеки от завершения, конфронтационный сценарий продолжается как в Сирии, так и на Украине. На сегодняшний момент конфронтация приобрела собственную инерцию. Опосредованные конфликты разгораются и в других регионах мира, в том числе в Африке. Один из участников – США, второй – КНР. Речь идет не об идеологическом противостоянии, которое в пост-биполярный период уже не столь актуально, а о попытке Соединенных Штатов заблокировать доступ Китая к месторождениям природных ресурсов в других странах [Тафотье, Идахоса 2016].

²⁰ После одобрения в комитете ГА документ в течение месяца должен быть рассмотрен на пленарном заседании. Однако согласно практике, документы впоследствии принимаются без особых изменений.

²¹ Европейские страны, не входящие в состав ЕС, также голосовали в поддержку резолюции. Босния, не голосовавшая в 2014 году, на этот раз воздержалась. Ожидаемым исключением из правил стала Сербия, продемонстрировавшая солидарность с Россией. Из стран постсоветского пространства против резолюции помимо России голосовали Белоруссия, Армения, Казахстан, Узбекистан. Как и в 2014 году, поддержку России оказали южноамериканские страны. Партнеры России по БРИКС, которые в полном составе воздержались от голосования в 2014 году, на этот раз голосовали против, за исключением Бразилии, которая и в этот раз решила воздержаться. Неприятным сюрпризом для Москвы стало голосование Израила, поддержавшего украинский проект.

* * *

Новая администрация США заявляет о своей приверженности выполнению ключевых пунктов предвыборной кампании, в частности отказу от практики свержения неугодных режимов. Аргументация в виде объективно назревшей необходимости сосредоточиться на внутренних проблемах Соединенных Штатов, а не разбрасываться огромными ресурсами ради достижения сомнительных целей в разных концах света, выглядит прагматичной и понятной широкой международной общественности. Однако узкие экспертные круги до сих пор теряются в догадках, боясь строить долгосрочные прогнозы, куда и на сколько градусов развернется внешняя политика США. Возможно, Соединенные Штаты и дальше будут занимать выжидательную позицию и изберут сценарий поддержки затяжных конфликтов, которые в силу множества внут-

ренних и внешних противоречий могут оставаться нерешенными еще долгое время.

Многие исследователи склонны сравнивать складывающуюся ситуацию с эпохой «холодной войны» или даже утверждать, что «холодная война 2.0» уже стартовала. Однако полномасштабной междержавной конфронтации все-таки удается избегать. В годы «холодной войны» СССР и США смогли снизить риски глобального противостояния и координировать свои подходы к управлению международными конфликтами. Это снова актуально, только теперь формируются несколько другие блоки. Чем раньше начнется диалог, конвергенция подходов и международных усилий, тем стабильнее будет система международных отношений. В этом смысле формула «взаимного принуждения к взаимодействию» [Россия и мир 2015: 87] остается актуальной и на 2017 год.

Список литературы

- Алексеева Т. А. Дебаты о «Великих дебатах»: как структурировать теорию международных отношений? // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 9–21. DOI:10.17976/jpps/2016.06.02
- Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2. С.24–36.
- Богатуров А.Д. Процессы мира и войны // Международные процессы. 2016. № 3. С.28–38.
- «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П.А.Цыганкова. М.: Издательство Московского университета, 2015.
- Кокосин А.А., Веселов В.А., Лисс А.В., Фисенко И.С. Современные войны и военное искусство: некоторые социологические и политологические аспекты. М.: ЛЕНАНД, 2015.
- Кременюк В.А. Управление и управляемость в мировой политике // Международные процессы. 2004. № 6. С.29–39.
- Лебедева М.М., Харкевич М.В., Зиновьева Е.С., Копосова Е.Н. Архаизация государства: роль современных информационных технологий // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 22–36. DOI: 10.17976/jpps/2016.06.03
- Мартынов Б.Ф. Страны БРИКС и концепции международного права // Международные процессы. 2016. № 1. С.26–37.
- Россия и мир: 2016. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. Рук. проекта: А.А.Дынкин, В.Г. Барановский; отв.ред.: Г.И.Мачавариани, И.Я.Кобринская. М.: ИМЭМО РАН, 2015.
- Степанова Е.А. Вооруженный конфликт в Сирии и политика России // Пути к миру и безопасности. 2012. № 2. С.7–25.
- Тафотье Д.Д.Р., Идакоса С.О. Конфликты в Африке и великие державы: опосредованные войны, зоны влияния или провоцирование нестабильности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3.
- Худайкулова А.В. Теория и практика «гуманитарного вмешательства» в современной миротворческой деятельности (на примере Югославии). Диссертация на соискание ученой степени к.пол.наук. М., 2003.
- Худайкулова А.В. Эффективность международной системы защиты прав человека в контексте украинского кризиса // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 39–46.
- Bettati M., Kouchner B. Le devoir d'ingerence: peut-on les laisser mourir? Paris, Denoel, 1987. P. 10.
- The Kosovo Report: Conflict, International Response, Lessons Learned, Independent International Commission on Kosovo, Oxford University Press, 2000.

The Responsibility to Protect: the Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty (ICISS)/ World Federalist Movement. Institute for Global Policy, December 2001. – Mode of access: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf>

Varun V., Cordesman A.H. The Libyan Uprising: an Uncertain Trajectory. Centre for Strategic & International Studies, 20.06.2011.

Weiss T. RtoP Alive and Well after Libya // Ethics & International Affairs. 2011. 25:3. P. 287–292.

CONFLICT MANAGEMENT IN THE NEW CENTURY

BACK TO PROXY WARS?

ALEXANDRA KHUDAYKULOVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

The article examines major conflicts of the current international system through the prism of the possibilities for being managed and regulated by the international community. At the end of the 20th – beginning of the 21st centuries the US and its closest allies initiated a series of military interventions, in Kosovo, Iraq, and Afghanistan. In 2009, the Obama administration announced its move towards a more equitable world order in which military force would play a much smaller role in comparison with non-military means and political settlement. Since then, the United States has been much more careful and selective in launching large-scale military operations, which has been clearly illustrated by the Libyan conflict. At the same time the US was still committed to regime change actions as a key vector of their foreign policy strategy. A new scenario of overthrowing hostile regimes with two consecutive options has been tested: first, conducting a "color revolution" from within (Egypt, Tunisia), and if necessary – move to the military phase by initiating humanitarian intervention (Libya). The two most pressing global crisis – Ukrainian and Syrian – clearly demonstrate a new trend – turn to the practice of conducting proxy wars instead of direct military interventions. The international community, especially global leading powers of the two alliances, are facing the necessity to form a convergent approach in order to settle contemporary conflicts, which for the time being have gained its proper dynamics and become more protracted.

Keywords

military power; human rights; intervention; humanitarian intervention; the responsibility to protect; the overthrow of the regime mediated by the war; the Libyan conflict; the Syrian conflict; Ukrainian conflict; conflict management.

References

- (2000). *The Kosovo Report: Conflict, International Response, Lessons Learned*. Independent International Commission on Kosovo, Oxford University Press.
- Alekseyeva T.A. (2016) The debates about "great debates": How to structure the theory of international relations? *Polis*. No 6. P. 9–21. DOI: 10.17976/jpps/2016.06.02
- Bogaturov A.D. (1996). Plyuralisticheskaya odnopolyarnost' i interesy Rossii [Pluralist unipolarity and the interests of Russia]. *Svobodnaya mysl'*. No. 2. P.24–36.
- Bettati M., Kouchner B. (1987). *Le devoir d'ingerence: peut-on les laisser mourir?* Paris, Denoel.
- Bogaturov A.D. (2016). Protssessy mira i voiny [Struggle for peace and conflict resolution]. – *Mezhdunarodnye protsessy*. № 3. P.28–38.

- Dynkin A.A., Baranovskii V.G., Machavariani G.I., Kobrinskaya I.Ya. (2015). *Rossiya i mir: 2016. Ekonomika i vneshnyaya politika. Ezhegodnyi prognoz* [Russia and the World: 2016. Economics and Foreign Policy. The annual forecast]. Moscow: IMEMO RAN.
- Khudaikulova A.V. (2003). *Teoriya i praktika «gumanitarnogo vmeshatel'stva» v sovremennoi mirotvorcheskoi deyatel'nosti (na primere Yugoslavii)*. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni k.pol.nauk [Theory and practice of "humanitarian intervention" in modern peacekeeping operations (the case of Yugoslavia). Thesis for the PhD degree]. Moscow.
- Khudaikulova A.V. (2014). *Effektivnost' mezhdunarodnoi sistemy zashchity prav cheloveka v kontekste ukrainskogo krizisa* [The effectiveness of the international human rights system in the context of the Ukrainian crisis] / *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 14. № 4. P. 39–46.
- Kokoshin A.A., Veselov V.A., Liss A.V., Fisenko I.S. (2015). *Sovremennye voiny i voennoe iskusstvo: nekotorye sotsiologicheskie i politologicheskie aspekty* [Modern war and military art: some sociological and political aspects]. Moscow: LENAND.
- Kremenyuk V.A. (2004). *Upravlenie i upravlyaemost' v mirovoi politike* [Management and control of world politics] / *Mezhdunarodnye protsessy*. № 6. P.29–39.
- Lebedeva M.M., Kharkevich M.V., Zinovieva, E.S., Koposova E.N. (2016). *State archaization: The role of information technologies*. *Polis*. No 6. P. 22–36. DOI: 10.17976/jpps/2016.06.03
- Martynov B.F. (2016). *Strany BRIKS i kontseptsii mezhdunarodnogo prava* [BRICS countries and the concept of international law] / *Mezhdunarodnye protsessy*. № 1. P.26–37.
- Stepanova E.A. (2012). *Vooruzhennyi konflikt v Sirii i politika Rossii* [The armed conflict in Syria and the policy of Russia] / *Puti k miru i bezopasnosti*. № 2. P.7–25.
- Tafot'e D.D.R., Idakhosa S.O. (2016). *Konflikty v Afrike i velikie derzhavy: oposredovannye voiny, zony vliyaniya ili provotsirovanie nestabil'nosti* [Conflicts in Africa and the Great Powers: proxy wars, the zone of influence or provoking instability] / *Vestnik RUDN, International Relations*. Vol. 16. № 3.
- Tsygankov P.A. (2015). *«Gibridnye voiny» v khaotiziruyushchemsya mire XXI veka* [Hybrid Wars in Chaotic World of XXI century]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- The Responsibility to Protect: the Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty (ICISS)/ World Federalist Movement. Institute for Global Policy, December 2001.* – Mode of access: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf>
- Varun V., Cordesman A.H. (2011). *The Libyan Uprising: an Uncertain Trajectory*. Centre for Strategic & International Studies.
- Weiss T. (2011). *RtoP Alive and Well after Libya.* – *Ethics & International Affairs*. 25:3. P. 287–292.